

**СЕРГЕЙ ХУДИЕВ • АЛЕКСАНДР ТКАЧЕНКО
ВЛАДИМИР ГУРБОЛИКОВ • ИГОРЬ ЦУКАНОВ
ПАВЕЛ ВЕЛИКАНОВ • ВИТАЛИЙ КАПЛАН
ВЛАДИМИР ЛЕГОЙДА**

**ОТВЕТЫ
НА САМЫЕ НЕУДОБНЫЕ ВОПРОСЫ
О ТВОРЦЕ ВСЕЛЕННОЙ**

ЗАГАДКИ БОГА

ФОМА
foma.ru

КНИГА РАССКАЗЫВАЕТ:

**О ПРИЧИНАХ СТРАДАНИЯ ДЕТЕЙ И НЕВИННЫХ ЛЮДЕЙ
О ПОДТВЕРЖДЕНИЯХ СУЩЕСТВОВАНИЯ БОГА
О ПЛАНАХ БОГА НА ЧЕЛОВЕЧЕСТВО И КОНКРЕТНОГО ЧЕЛОВЕКА**

Игорь Цуканов
Владимир Александрович Гурболиков
Александр Борисович Ткаченко
Владимир Романович Легойда
Сергей Худиев
Виталий Каплан
Павел Иванович Великанов
Загадки Бога. Ответы
на самые неудобные
вопросы о Творце вселенной
Серия «Самые интересные
вопросы о Боге и вере. Журнал
«Фома» и телеканал «Спас»»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65847233

Загадки Бога : ответы на самые неудобные вопросы о Творце

Вселенной: Познание; Москва; 2021

ISBN 978-5-04-156246-5

Аннотация

В этой книге собраны самые, пожалуй, неудобные для верующих вопросы о Боге, а также письма реальных людей, искренне не понимающих чего-то в Творце и созданном Им мире. Ответить на них честно и по существу мы попросили авторов известного православного журнала «Фома» (foma.ru).

Книга рассказывает:

- о причинах страдания детей и невинных людей,
- о подтверждениях существования Бога,
- о планах Бога на человечество и конкретного человека,
- о «способах связи» с Богом,
- об отношении Бога к неверующим,
- о различной посмертной участи людей,
- о сочетании воли Бога и свободы человека.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

Содержание

Почему добрый Бог допускает страдания невинных?	7
Как Бог может быть одновременно один и Троицей?	22
Конец ознакомительного фрагмента.	31

**Владимир Легойда,
Александр Ткаченко,
Сергей Худиев, Протоиерей
Павел Великанов, Виталий
Каплан, Игорь Цуканов,
Владимир Гурболиков**
**Загадки Бога: ответы на
самые неудобные вопросы
о Творце Вселенной**

© Фонд содействия развитию культурно-просветительской деятельности «Фома Центр», 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Почему добрый Бог допускает страдания невинных?

Письмо авторам книги:

Объясните, пожалуйста, логику. Вот человек согрешил и страдает – это мне понятно. Но почему страдают те, кто не грешил? Дети, например? Как вообще это получается – человек ничего плохого не сделал и должен мучиться? Этот мир Бог же сотворил, Бог законы установил – почему Он такой простой вещи не учел, что те, кто не грешит, не должны страдать?

Павел

Отвечает Александр Ткаченко, постоянный автор журнала «Фома»

Дорогой Павел, вы, конечно же, правы в том, что невинные не должны страдать. У любого нравственно вменяемого человека безвинные страдания вызывают целый спектр чувств – от боли и сопереживания до возмущения и гнева: как такое могло случиться, почему, за что? Известный русский философ Семен Людвигович Франк писал: «Объяснить» зло значило бы «обосновать» и тем самым «оправдать» зло. Но это противоречит самому существу зла как

тому, что непропорционально, чего не должно быть. <...> Единственно пропорциональная установка в отношении зла есть – отвергать, устранять его, а никак не «объяснять» и тем самым узаконять и «оправдывать» его...»

В сущности, Франк описывает здесь нормальное для любого христианина отношение: увидел зло – попытайся ему противостоять; не можешь этого сделать – плачь и молись о тех, кто от него страдает, о своей немоги, о том горе, которое оно принесло другим людям и тебе самому, сколь бы далеко от тебя оно ни случилось. Потому что все люди на Земле – потомки Адама и Евы, а значит, нет на свете чужой беды. И даже когда где-то там далеко, на другом конце земли, умирают от голода дети, ты всегда знаешь или хотя бы чувствуешь неосознанно, что это голодают твои маленькие братья и сестры, что это беда твоей семьи, а значит, и твоя тоже.

Возмущаясь несправедливостью, человек поступает абсолютно нормально, в полном соответствии со здоровыми силами своей души. И все же я позволю себе не согласиться с выводами уважаемого С. Л. Франка. Бороться со злом надо. Но именно ради этой цели мне и нужно объяснить зло хотя бы для себя, понять его причину и природу. Иначе чувство возмущения происходящей несправедливостью будет захлестывать меня с головой. Оно будет мешать мне в поиске реальных путей борьбы со злом, сбивать мне прицел, смещать фокус внимания с одного объекта на другой, в итоге заставляя видеть источник зла в его же жертвах. Например, один

из самых чудовищных злодеев современности, чье имя стало нарицательным, – Андрей Чикатило. То, что он творил, является безусловным злом и не может вызывать ничего, кроме ужаса, отвращения и гнева. Но во время следствия выяснилось, что в детстве, во время голода в 1946 году, мама запреща­ла ему выходить со двора, потому что его могли поймать и съесть, как съели в начале тридцатых его старшего брата. Есть и более страшная версия: старшего брата съела сама семья. Это никак не оправдывает преступлений Чикатило. Однако на его примере хорошо видно, что зло, творимое им, имеет источник, существовавший задолго до его рождения. Оно началось не с него. И – увы! – на нем не закончилось.

Тезис первый:

Люди, размышляющие о страдании невинных, часто становятся заложниками узкого понимания греха как исключительно чьей-то личной ошибки.

Наверное, ни для кого не станет новостью мысль о том, что это древнее зло в Церкви принято называть коротким и жестким словом – грех. Обычно под ним подразумевают некое нарушение человеком заповеди Божьей, нравственное преступление, сделанное вольно или невольно. И это правильное понимание, но далеко не полное. И оттого, что даже церковные люди зачастую сводят грех лишь к понятию проступка и вины, происходит искажение смысла этого понятия, возникают вопросы и претензии к Церкви и к Богу:

как могло получиться, что страдают те, кто не согрешил?

Однако дело в том, что в христианском понимании слово «грех» имеет также и другие значения. И прежде всего это касается понятия «первородный грех», с которым у многих даже церковных людей нет полной ясности. Часто под этим словосочетанием понимают сам факт грехопадения первых людей в райском саду, где Бог заповедал им не вкушать плодов от древа познания добра и зла, но они нарушили этот запрет по коварной подсказке змия, а после отказались признаться в этом и повиниться. За что и были изгнаны из рая, получив кожаные одежды и весьма трагичную перспективу – трудиться в поте лица ради хлеба насущного, в муках рожать детей, а самое главное – умирать, обращаясь в тот прах земной, из которого и были созданы.

Но первородный грех в православном вероучении – это не только нарушение заповеди Адамом и его женой, но также и все разрушительные последствия, которые он за собой повлек. Поскольку вопрос этот весьма важен для правильного понимания причин, по которым в мире страдают невинные люди, имеет смысл посмотреть, что же сама Церковь говорит об этом.

Так, митрополит Макарий (Булгаков) пишет: «В своем учении о первородном грехе православная Церковь различает, во-первых, сам грех и, во-вторых, его последствия в нас. <...> «Первородный грех, – читаем в Православном Исповедании католической и апостольской Церкви восточной, –

есть преступление закона Божия, данного в раю прародителю Адаму. Сей прародительский грех перешел от Адама во все человеческое естество, поскольку все мы тогда находились в Адаме, и таким образом через одного Адама грех распространился на всех нас. Посему мы зачинаемся и рождаемся с этим грехом». Разность только та, что в Адаме это уклонение от закона Божия и от своего предназначения было свободное, произвольное, а в нас оно есть наследственное, необходимое – с природой, уклонившейся от закона Божия, мы рождаемся; в Адаме это был грех личный, грех в строгом смысле слова, – в нас это не есть грех личный, не есть собственно грех, но есть только греховность природы, получаемая нами от родителей; Адам и согрешил, т. е. свободно нарушил заповедь Божию, и сделался через то грешником, т. е. уклонил всю свою природу от закона Божия, – а мы лично не согрешили с Адамом, но сделались в нем и чрез него грешниками, получая от него греховное естество <...> Под последствиями первородного греха Церковь понимает те самые последствия, какие произвел грех непосредственно в них и которые переходят от них на нас, каковы: помрачение разума, извращение воли и ее удобопреклонность ко злу, болезни телесные, смерть и прочие».

Вот эти последствия, которые передаются из поколения в поколение, и есть первородный грех, живущий в каждом из нас. Первозданный человек не был подвержен никаким болезням и даже самой смерти благодаря своей связи с Со-

здателем. Дикие животные не могли причинить ему вреда, микроорганизмы не были для него болезнетворными, стихии природы даже в самом бурном проявлении не имели над ним никакой власти.

Человек был воистину венцом творения Божьего, наместником Создателя в сотворенном мире. Какими свойствами он тогда обладал, отчасти можно понять по евангельскому описанию Иисуса Христа. Восстановленная и очищенная от первородного греха человеческая природа оказалась способной проходить сквозь закрытые двери, ходить по водам, мгновенно переноситься на большие расстояния, становиться невидимой там, где Иисус этого хотел. Всеми этими удивительными свойствами обладали и первые люди в райском саду. И в мгновение ока лишились этого богатства сразу же после того, как отпали от Бога, поверив змию в его клевете на Создателя. Нарушив по подсказке сатаны заповедь о невкушении плодов с древа познания добра и зла, человек, по сути, совершил предательство по отношению к Богу, переступил некую грань в отношении к своему Создателю. И для любви за этой гранью места уже не было. Человек как бы сказал Богу: «Ты говоришь: «Не вкушай этих плодов, потому что умрешь»? Я Тебе не верю. Сатана-змей говорит, что, вкусив их, я стану во всем равен Тебе. А значит, смогу жить без Тебя».

Перечитаем этот эпизод Библии внимательно и увидим, что первые люди даже перед лицом вопрошавшего их Бога

перекладывали вину за свое согрешение друг на друга, на змия и даже на Самого Бога. Но ни одного слова покаяния не прозвучало, самого обычного «прости, поняли свою ошибку и больше не будем так делать». Вместе с грехом в людей вошло и стойкое намерение защищать этот грех до последнего, противиться Богу даже там, где все вполне очевидно. В таком противопоставлении себя Богу люди просто не смогли оставаться в раю. Ведь рай – место особого присутствия Бога в сотворенном мире. Что там было делать Адаму и его жене, которые стали прятаться от Бога, тяготиться Его присутствием?

И сегодня мы тоже можем наблюдать результат той давней трагедии, ровно такое же отношение людей друг к другу – перекладывание ответственности друг на друга, нежелание признавать ошибки, иррациональное ощущение собственной правоты даже в ситуации, когда твоя вина несомненна.

Это душевное устройство и оказалось тем страшным результатом нарушения заповеди, о котором Бог предупредил человека. Отпав от Творца, он, конечно же, не стал равным Творцу. А вот царственное предназначение свое утратил. Когда вместо воли Божией человек начал исполнять свою волю, сотворенный мир просто перестал его воспринимать. И из царя природы человек превратился всего лишь в ее часть, подчинив себя общим законам материального мира. Он стал подвержен многочисленным болезням, пото-

му что ранее безобидные микроорганизмы стали теперь для него опасны. Дикие звери стали рассматривать его как добычу. Земля не давала ему своих плодов, и ему приходилось прикладывать изрядные усилия, чтобы вырастить на ней пропитание для себя.

Но и это не было самым страшным. Гораздо трагичнее было то, что, послушав однажды совет диавола, человек, в сущности, исполнил его желание. Иначе говоря, пожелав обрести независимость от Бога, он тут же начал исполнять волю сатаны. Вот здесь и пролегла роковая черта между изначальным образом первозданного человека и тем образом его существования, который мы все знаем сегодня по опыту собственной жизни.

Тезис второй:

Первородный грех радикально изменил все не только в жизни Адама и Евы, но и в жизни всего человечества.

Оставить бессмертным человека, ставшего рабом сатаны, означало бы обречь его на бесконечные мучения и бесконечное же падение во все новые пучины греха. Поэтому человек был создан так, чтобы после отпадения от Бога его природа стала смертной. Об этом предупреждал человека Создатель, когда сказал: «...от дерева познания добра и зла не ешь от него, ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь». Отпав от Бога, человек начал умирать. И вся

последующая жизнь бесчисленных его потомков по сути тоже превратилась в непрерывный процесс умирания, в движение от чрева матери к разверстой могиле. Эту смертность, привнесенную Адамом в человеческую природу, люди тысячелетиями транслируют из поколения в поколение, словно убийственный генетический сбой.

При сотворении в первом человеке сочеталось два начала – земное и небесное, прах, из которого он был сотворен, и дыхание жизни, которое вдохнул в него Бог. Когда он отвернулся от неба, его уделом оказался лишь прах. Отказавшись от уподобления Богу через послушание, Адам уподобился всем прочим живым существам, или, как говорит Псалмопевец, «приложися скотом несмысленным». А животным по их природе было свойственно умирать. От них и взял человек свою смертность. В Библии она иносказательно названа кожаными ризами, поскольку снятая для изготовления одежды кожа – символ смерти животного: *«И сделал Господь Бог Адаму и жене его одежды кожаные и одел их»*.

Святитель Григорий Нисский пишет об этом так: «... смертность, взятая от природы существ неразумных, была Божественным домостроительством выброшена на природу, сотворенную для бессмертия». И далее подробно поясняет, в чем же именно выразилась эта смертность: «Это то, что человек получил в придачу от неразумного естества: половое общение, зачатие, рождение, нечистота, кормление грудью, поглощение и извержение пищи, постепенное взросле-

ние, старость, болезни и смерть».

После этого рокового изменения способа существования человеческой природы главными движущими мотивами в поведении падшего человека, по мысли преподобного Максима Исповедника, стало то же, что движет любым животным на Земле, – стремление к наслаждению и стремление избежать страданий. Вот здесь и лежит корень всех бед. Ради получения наслаждения и из страха перед страданиями человек стал совершать преступления не только против Божьих заповедей и людских законов, но превзошел в своих злодеяниях даже животных. Ведь ни одно животное не мучает своих жертв ради получения удовольствия. Хотя, конечно же, зло не стало обязательным условием существования человека. Возможность выбора добра в нем осталась, иначе откуда бы взялись люди, живущие праведно? Однако вместе со смертностью в человека вошла и удобопреклонность ко злу. Сама искаженная грехом природа человека, унаследованная от Адама, стала подталкивать человека к нарушению воли Божьей. И лишь те, кто ставил для себя волю Бога выше собственных страхов и желаний, могли противостоять этому влечению ко злу в себе.

Отпавший от своего Создателя человек стал подобен отломленной от ствола ветке, на которой еще зеленеет листва. Но вскоре листья начнут вянуть, потеряют свой яркий цвет, пожухнут. А сама ветка засохнет, потому что уже не получает от корней животворящей влаги. И это не свидетельство

виновности ветки, а простой и печальный факт умирания того, что стало смертным.

В письме вы говорите, что среди людей есть виновные, совершившие явный грех, и в их страданиях можно рассмотреть логику и справедливость. И возмущаетесь страданиями невинных, которые никак не заслужили кары в виде страданий. Но разговор о грехопадении и его последствиях лежит не только в этой плоскости. Дело в том, что абсолютно каждый человек уже с момента своего рождения оказывается заложником законов, действующих в мире после грехопадения. Мы привыкли называть страданием явную болезнь, нищету и т. д. Но почему-то редко вспоминаем, что мы вынуждены постоянно дышать, пить, есть, добывать тяжелым трудом эту еду. Иначе мы просто умрем.

Мы не замечаем, что окружающий нас мир в самом основании своем содержит червоточину страдания и что из этой червоточки рождаются и другие разные плохие вещи в нас, подталкивающие кого-то совершать зло. Но и тот, кто устоял перед этим искушением, все равно остается подверженным болезням, будет нуждаться в еде и питье, может оказаться жертвой чужого греха. И христианство говорит совсем не о том, что есть виновные и невинные, у него нет цели дать всем моральную оценку и вывести на ее основании, кто заслуживает страдания, а кто нет. Христианство честно смотрит на этот мир и, не пытаясь убежать от неприятной реальности, говорит, что весь мир лежит во зле, что все мы – и

виновные, и не виновные – живем в пространстве, катастрофически пострадавшем после грехопадения первых людей.

Тезис третий:

Бог не задумывал мира, где страдают невинные и дети. Эта несправедливость – результат свободного выбора людей. Но Бог уже дал им выход из дурной бесконечности их трагического существования.

В любом человеке так или иначе присутствует ощущение того, что наш мир смертельно ранен, что он живет совсем не так, как был задуман. И это ваше письмо – еще одно свидетельство тому. В нем чувствуется понимание, что все здесь «не так», что все должно быть по-другому. Как будто какая-то генетическая память о правильном и счастливом устройстве мира рвется наружу, но, сталкиваясь с реальностью, порождает у вас негодование и возмущенные вопросы Богу: «Как Он мог такое сотворить?»

И тут важно понимать, что это самое «не так» не было задумано Богом. Бог, как любящий отец, дал первым людям все, включая полную свободу действий. Однако, как заботливый отец, Он также предупредил их, чего не надо делать, чтобы не лишиться данного им счастья. Именно свободный выбор первых людей, а не замысел Бога вызвал катастрофу, поразившую весь мир и опрокинувшую человечество в то состояние, которое мы сейчас так тяжело переживаем. Изменение же мира произошло потому, что изуродованный гре-

хом человек просто не выжил бы в нем. Мир был готов его уничтожить. Поэтому Бог привел весь мир в соответствие с тем состоянием, в котором оказался падший человек: вслед за ним стало падшим и все остальное творение. Симеон Новый Богослов пишет об этом так: «Тварь не хотела повиноваться и служить Адаму после того, как он преступил заповедь. Солнце не хотело светить ему, источники не хотели источать воду, звери, видя, что он обнажился от первой славы, стали презирать его и тотчас готовы были напасть на него, и земля не хотела носить его более. Но Бог сдержал эти твари силою Своею и повелел, чтобы тварь, сделавшись тленною, служила тленному человеку, для которого создана».

Но неужели после этой катастрофы Бог безучастно наблюдает, как миллионы людей из поколения в поколение (кто творя зло, кто невинно страдая) расхлебывают ее последствия? Неужели Он ничего не может сделать? Нет, Он уже сделал, и куда больше, чем могли предположить самые смелые умы человечества!

Две тысячи лет назад Он пришел, надев на Себя наши «кожаные одежды», из любви к нам перенес тяжелейшие страдания и страшную казнь. Если говорить в категориях вины, Он, будучи абсолютно невиновным, взял на себя вину каждого из нас и пострадал за наши грехи, искупив их своими безвинными страданиями. Теперь любой человек, принимающий эту Его жертву и искупление, получил возможность вернуться к Богу, от которого когда-то отпали первые люди.

Да, мы остались смертными, но теперь мы можем не «растягивать» ту самую катастрофу еще и на вечность, не бояться того, что останемся наедине с болью и несправедливостью даже после смерти. И этот вселенский масштаб дара, который Христос нам принес, уже не сравнится ни с какими страданиями, которые есть в этой земной жизни. Христианство не про то, что должны пострадать только виновные (еще раз – страдают все), а про то, что верующие во Христа и следующие за Ним этот дар Бога получают обязательно и эту надежду никто и ничто не сможет у них отнять. Но что кроется за этими словами – верить и следовать?

Повторю, Бог не творил мир таким, каким мы его знаем, – с убийствами, воровством, обманами и предательством. Таким его сделали люди, отпавшие от Бога, исказившие свою природу и сделавшиеся рабами своих страстей. Корень всего творящегося в мире зла – в этом уклонении нашего произволения от Божьего замысла о нас. И самый прямой путь борьбы с этим злом – возвращение к Богу через исполнение Его заповедей, веру в Его благодать, отрицание попыток сатаны вновь убедить нас в том, что Бог – обманщик.

Да, нам тоже предстоит пройти через смерть, как это сделал Иисус Христос. Но только от нашего произволения и от нашей веры зависит, что нас ждет после смерти, будет ли это долгожданная встреча с любящим Отцом или же неминуемая встреча с грозным Судьей. Все остальные обстоятельства нашей жизни не так уж и важны в этой главной пер-

спективе, потому что Бог судит каждого не общей меркой, а всегда исходя из тех обстоятельств, в которых человек жил. Ведь люди часто причиняют друг другу боль. И Бог не добавляет к этой боли еще и наказание, а напротив, утирает всякую слезу тех, кто был несправедливо обижен. Он не остается равнодушен к нашим бедам и горестям. Каждый из нас для Него – любимое дитя, за которое Бог готов бороться до полной победы, чего бы мы ни натворили и как бы далеко от Него ни ушли. Даже самого отъявленного грешника Бог всегда готов принять с радостью там, где этот грешник захочет к Нему вернуться. Неслучайно ведь первым человеком, оказавшимся в раю после грехопадения, стал не какой-нибудь великий праведник, а мятежник и убийца, распятый рядом со Христом, но попросивший помянуть его в Царствии Божием.

Как Бог может быть одновременно один и Троицей?

Отвечает Игорь Цуканов, постоянный автор журнала «Фома»

В скольких богов верят христиане?

Если коротко: христианская Церковь верует в одного Бога, Который един по существу, но троичен в Лицах.

Теперь чуть подробнее.

Из книг Священного Писания (Ветхого и Нового Завета) Церковь твердо знает, что Бог – один. Но из тех же самых книг и святоотеческих толкований в них следует, что Он один не в том смысле, в каком мы можем сказать это о каком-нибудь человеке. Бог один, но не одинок. Он триедин: существуют три Божественные Ипостаси, или Лица.

Каждое из Лиц есть Бог во всей Своей полноте, весь Бог, целиком. Каждая Ипостась Троицы обладает всей Божественной силой, всей полнотой власти, всей славой и т. д. Любое действие Святой Троицы совершается всеми тремя Лицами, так что православные богословы говорят о едином действии и единой воле трех Ипостасей. Тем не менее это именно три самостоятельных Лица, а не три, скажем, «маски», которые попеременно надевает и в которых являет Се-

бя Божество.

О троичности Бога говорится в Символе веры – ключевой вероисповедной формуле, утвержденной на двух первых Вселенских Соборах в 325 и 381 годах по Р. Х. Когда мы произносим «Символ веры», то исповедуем веру «во Единого Бога Отца Вседержителя... и во Единого Господа Иисуса Христа, Сына Божия... и в Духа Святого, Господа животворящего...».

Бог один, но троичен – разве можно это понять обычному верующему, а не богослову?

Чтобы помочь верующим приблизиться к пониманию тайны Святой Троицы, отцы Церкви предлагали аналогии из нашего, земного мира. Например, Григорий Богослов приводил примеры с солнцем, его светом и теплом, а также с водным источником, потоком и рекой; Василий Великий – с радугой, разделенной на полосы разного цвета; блаженный Августин – с человеческим умом, мыслью и словом; Дионисий Ареопагит – с тремя свечами, дающими единый свет. Но ко всем подобным «иллюстрациям», заимствованным из земного мира, нужно относиться как к очень несовершенным метафорам, понимая, что они неточно описывают отношения трех Божественных Лиц и не позволяют по-настоящему проникнуть в тайну Троического бытия.

Почему догмат о Троице так важен для христиан?

Если говорить совсем просто – потому, что он служит основанием христианского взгляда на мир, на то, что является движущей силой и смыслом нашей жизни.

Из Евангелия мы знаем: «*Бог есть любовь*» (1 Ин. 4:8). Любовь – не просто одна из характеристик Бога, не просто Его отношение к сотворенным существам, а ключевой принцип Божественного бытия. Бог есть любовь всегда, Он был любовью еще до того, как сотворил мир, и останется любовью после того, как «*земля и все дела на ней сгорят*» (2 Пет. 3:10). Существование мира – вовсе не обязательное условие для того, чтобы Бог был любовью. Он есть любовь уже Сам по Себе.

Но в любви всегда есть как минимум две стороны, любящие друг друга. И если Бог действительно есть любовь, Он не может быть замкнутой в Самой Себе Личностью, как полагал, например, знаменитый философ и ученый Готфрид Лейбниц. Он должен быть, по крайней мере, Двоицей.

Нам привычна и понятна ситуация, когда двое любят друг друга. Но о Боге Священное Писание говорит нечто гораздо менее понятное: Он есть Троица и Он же есть любовь.

Может быть, нам будет немного легче в этом разобраться, если мы посмотрим на семью, в которой есть отец, мать и ребенок. Мать и отец любят друг друга, но не замыкаются друг на друге целиком, а щедро делятся этой любовью с третьим – ребенком (или с детьми, если их несколько). Случается, что у супружеской пары нет детей, но и тогда их любовь может

изливаться на кого-то третьего, будь то приемный ребенок, пожилые родители или даже какой-то посторонний человек, нуждающийся в помощи (именно так, раздавая себя нуждающимся, жили, например, бездетные великий князь Сергей Александрович Романов и его супруга Елизавета Федоровна).

Конечно, отношения между людьми нельзя впрямую проецировать на Божественную реальность. И все-таки пример с семьей показывает, что у подлинной любви не может быть «третьего лишнего».

«Триединство подразумевает равноправие более чем двоих, оно делает любовь совершенной», – подчеркивает профессор Московской духовной академии протоиерей Максим Козлов.

«Совершенная любовь есть парадоксальное единство двух фактов: с одной стороны, существования нескольких «Я», которые любят Друг Друга, оставаясь отдельными, и с другой стороны, высочайшей степени единства между Ними, – писал в XX веке известный румынский богослов протоиерей Думитру Станилоэ. – Не может быть никакого иного обоснования для любви в мире, ни иной цели существования мира, кроме существования совершенной вечной любви. Любовь в мире предполагает в качестве своего источника и цели вечную совершенную любовь между несколькими Божественными Лицами».

Исчерпывающим образом объяснить, *почему* Бог трои-

чен, мы, конечно, никогда не сможем: человеческому разуму не постигнуть тайну Божественного бытия. Богословы всего лишь пытаются описать отношения трех Ипостасей теми словами, которые имеются в их распоряжении, и понять, что из этого следует для Церкви и для каждого христианина.

О Духе Святом в Библии говорится намного меньше, чем об Отце и Сыне. Что мы все же можем о Нем сказать?

Дух Святой как Ипостась Святой Троицы для нас, очевидно, непознаваем. Зато Он познаваем как Тот, Кто действует в Церкви, совершает в ней таинства, приобщает верующих к Божественной благодати. «Когда мы говорим о духовности (в подлинно христианском смысле этого слова), то имеем в виду именно прикосновение к благодати Святого Духа», – обращает внимание протоиерей Максим Козлов.

Благодать эта, конечно, та же самая, что и благодать Сына и Отца, просто достигает она нас в Ипостаси Духа Святого.

В Библии, кажется, совсем немного мест, на которые можно твердо опереться, утверждая, что Бог есть Троица?

Места, в которых говорится о Боге-Троице, все-таки есть – и в Новом Завете, и в Ветхом. Их действительно не так много, но это не значит, что у нас должно быть к ним меньше доверия, ведь истинность тех или иных положений хри-

стианского вероучения определяется не только количеством подкрепляющих их библейских цитат. Апостол Павел говорит: *«Все Писание богодухновенно и полезно для научения, для обличения, для исправления, для наставления в праведности»* (2 Тим. 3:16). А значит, одно-два упоминания в тексте Священного Писания уже вполне могут оказаться весомым аргументом.

В Ветхом Завете мы находим большей частью неявные указания, как бы намеки на то, что Бог триедин. Такой намек есть уже в самой первой строчке Книги Бытия: *«В начале сотворил Бог небо и землю»* (Быт. 1:1). В еврейском оригинале здесь использовано слово «Элохим» – дословно это значит «Боги», форма множественного числа от «Элоах» (Бог). А вот глагол «сотворил» («бара») стоит в единственном числе. Это уже похоже на подсказку: Бог и един, и множественен одновременно.

В той же Книге Бытия есть один весьма красноречивый эпизод, получивший в библеистике наименование «гостеприимство Авраама». Он описывает случай явления Господа ветхозаветному праведнику Аврааму при дубраве Мамре в виде трех мужей (Быт. 18). Авраам принимает Троиц – и обращается к Ним единым именем «Господь». Именно это явление Господа изображено на иконах Святой Троицы, в том числе и на «Троице» преподобного Андрея Рублева.

Кроме того, говоря о ветхозаветных указаниях на троичность Бога, богословы обычно указывают на одно из виде-

ний пророка Исаии: вокруг престола Божия летают серафимы (особый чин ангелов) и прославляют Бога троекратным пением: «*Свят, свят, свят Господь Саваоф! вся земля полна славы Его!*» (Ис. 6:3).

А что говорится о Троице именно в Новом Завете?

В книгах Нового Завета о трех Лицах Бога прямо говорится только в двух местах. Во-первых, в Евангелии от Матфея. Воскресший Христос заповедует апостолам: «*Идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святаго Духа*» (Мф. 28:19). Богословы традиционно обращают внимание на то, что речь здесь идет об одном имени, а Лиц названо три.

И во-вторых, в Первом послании святого апостола Иоанна Богослова. В этой книге есть стих: «*Ибо три свидетельствуют на небе: Отец, Слово и Святой Дух; и Сии три суть едино*» (1 Ин. 5:7). Правда, с этими строками есть сложность: в оригинальном тексте Послания их, возможно, не было. Во всяком случае, их нет ни в одной из древнейших сохранившихся рукописей Нового Завета на греческом языке: ни в Синайском кодексе, ни в Ватиканском (оба датируются IV веком), ни в Александрийском (V век). Древние отцы Церкви, за немногочисленными исключениями, этот стих не цитировали. Поэтому сегодня многие западные издания Нового Завета выходят без этих слов.

Есть, впрочем, достаточно весомые аргументы и в поль-

зу подлинности этого стиха, замечает доктор теологии, профессор Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета протоиерей Олег Давыденков. Установлено, в частности, что спорные строки содержались в так называемой Итале – старолатинском переводе Библии, выполненном во II–III веках с греческого оригинала. Содержится этот стих и во многих сирийских и армянских древних манускриптах. В середине IV века на него ссылался святитель Афанасий Великий, а несколько позже – святитель Григорий Богослов.

Не исключено, что из греческих рукописей эти строки исчезли стараниями ариан, предполагает отец Олег. Арианами назывались последователи александрийского еретика Ария, который считал Иисуса Христа не Богом, а лишь высшим из Божиих творений. Несколько десятилетий IV века ариане играли главенствующую роль в той части Церкви, которая располагалась в Восточной Римской империи, в том числе на территориях Греции и нынешней Турции. На Западе же арианская ересь никогда не имела серьезной поддержки. Возможно, именно поэтому в старом латинском переводе Библии и в тех переводах, которые выполнялись с латинского, строчки о «трех небесных Свидетелях» сохранились.

И это всё, что есть о Троице в Новом Завете?

Нет, далеко не всё. Мы поговорили только о прямых новозаветных указаниях на троичность Бога. А есть и много косвенных, но не менее важных.

Например, во всех Евангелиях говорится о Крещении Господа Иисуса Христа в реке Иордан, во время которого произошло уникальное событие – явление всей Святой Троицы. В виде белого голубя на Иисуса Христа сошел Дух Святой, а с небес возгремел глас Бога Отца: *«Сей есть Сын Мой возлюбленный, в Котором Мое благоволение»* (Мф. 3:17). В честь этого события Церковь установила особый праздник, который так и назвала – Богоявление (или Крещение Господне), а в его тропаре – особом песнопении, объясняющем значение празднуемого события, – провозгласила: *«Когда Ты, Господи, крестился во Иордане, открылось поклонение Пресвятой Троице: ибо глас Отца свидетельствовал о Тебе, называя Тебя возлюбленным Сыном, и Дух в виде голубя подтвердил истинность этого слова»* (русский перевод церковнославянского текста).

Правда, описывая это событие, евангелисты не называют Духа Святого Богом, но Его Божественное достоинство неоднократно подчеркивается в других новозаветных книгах.

Во время прощальной беседы с учениками Господь Иисус Христос называет Духа Святого *«другим Утешителем»*, который пребудет с апостолами *вовек и научит... всему»* (Ин. 14:16, 26). Этим же словом *παράκλητος* (в данном случае переведенном как «Утешитель») Христос несколько ранее называл Самого Себя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.